

УДК 821.161.1

Е. М. Болдырева

<https://orcid.org/0000-0003-2977-726>

**Российская лагерная проза и китайская литература «высоких стен»:
один день одного заключенного в повестях А. Солженицына и Цуна Вэйси**

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М. Российская лагерная проза и китайская литература «высоких стен»: один день одного заключенного в повестях А. Солженицына и Цуна Вэйси // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 37–49. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-37-49

В статье рассматривается система творческих переключек Александра Солженицына и китайского писателя Цуна Вэйси, названного критиками «китайским Солженицыным». Творчество писателей анализируется в контексте типологически сходных тенденций в российском и китайском литературном процессе – отечественная лагерная проза и китайская литература «ран и шрамов» и «литература высоких стен», судьба обоих писателей рассматривается как пример сложного противостояния личности тоталитарной системе. При сопоставлении произведений Цуна Вэйси и А. Солженицына выявляется множество значимых для художественного мира писателей мотивных переключек: жесткая временная локализация и расширение временных рамок за счет введения в повествование воспоминаний героев, описание замкнутого мира зоны, мотив физического и нравственного истощения, описание тяжелого труда и суровых реалий окружающей природы, мотив превратности судьбы и абсурдности политической системы, мотивы доноса, предательства и провокации. Наряду с этим в статье рассматриваются существенные различия в воспроизведении основных констант лагерного дискурса у Цуна Вэйси и А. Солженицына: отношения между заключенными и между начальством и заключенными, идеологическая составляющая тюремного дискурса Цуна Вэйси, когда лагерь становится микромоделю внешней политической системы, идеологические и политические приоритеты, обуславливающие редукцию предметного мира и плакатность персониферы китайского писателя, высокая каменная стена как символ великой китайской стены, непроходимых тюремных стен и априорной обреченности попыток борьбы с абсурдностью и несправедливостью в беспрерывно изменяющейся жестокой политической реальности.

Ключевые слова: А. Солженицын, Цун Вэйси, лагерная проза, литература «ран и шрамов», «литература высоких стен», диалог культур, тюремный дискурс, персонифера, символ, мотив.

Е. М. Boldyreva

**Russian prison camp prose and chinese literature of the «high walls»:
one day of a prisoner in the novels by A. Solzhenitsyn and Tsun Weisi**

The article examines the system of creative roll calls of Alexander Solzhenitsyn and the chinese writer Tsun Weisi, called by critics «Chinese Solzhenitsyn». The work of the writers is analyzed in the context of typologically similar trends in the russian and chinese literary process – russian prison camp prose and chinese literature of «wounds and scars» and «high walls literature», the fate of both writers is seen as an example of the complex confrontation between the individual and the totalitarian system. Comparing the works of Tsun Weisi and A. Solzhenitsyn the author reveals many motifs that are significant for the artistic world of the writers: rigid time localization and expansion of the time frame due to the introduction of heroes' memories into the narrative, description of the isolated world of the prison, the motive of physical and moral exhaustion, description of hard work and harsh realities of the surrounding nature, the motive of adversities and absurdity of the political system, motives of denunciation, betrayal and provocation. Along with this, the article considers significant differences in the reproduction of the main constants of prison camp discourse in Tsun Weisi and A. Solzhenitsyn's works: relations among prisoners and between the authorities and prisoners, the ideological component of Tsun Weisi's prison discourse, when the camp becomes a micro-model of the political system in the country, ideological and political priorities, determining the reduction of the object world and the poster character of the chinese writer, a high stone wall as a symbol of the Great Wall of China, impassable prison walls and the a priori doomed attempts to combat absurdity and injustice in an ever-changing brutal political reality.

© Болдырева Е. М., 2021

Key words: A. Solzhenitsyn, Tsun Weisi, prison camp prose, literature of «wounds and scars», «literature of high walls», dialogue of cultures, prison discourse, personosphere, symbol, motive.

Введение

«Открывая книгу китайского автора в поисках экзотики, в надежде обнаружить любопытные детали жизни „Поднебесной империи“, мы перелистываем страницы, удивленные созвучием проблем, совпадением болевых точек в истории наших народов. Там, где мы привыкли искать различия, обнаруживается поразительное сходство» [Сапрыка]. Действительно, исследование российско-китайского литературного диалога позволяет выявить значительное количество культурных параллелей, демонстрирующих как влияние великой русской литературы на китайских писателей, так и уникальность преломления художественного опыта русских классиков в творчестве лучших китайских художников слова. Одной из таких параллелей является сходство двух важнейших историко-культурных тенденций – российской «лагерной прозы» и китайской литературы «ран и шрамов» или «литературы высоких стен». «Сопоставить эти два явления позволяет общность исторических событий, которые поочередно происходили в СССР и КНР – тоталитарный режим Сталина и Мао Цзэдуна. В эпоху террора в той и другой стране репрессиям подвергались все противники тоталитарного режима, и основной удар пришелся на интеллигенцию – интеллектуалов, которые были опасны для действующей власти тем, что могли повлиять на массы и привести к революции. Когда на смену культ личности в СССР пришла Хрущевская оттепель, в Китае – „Пекинская весна“, в первую очередь на столь значительные события отреагировала литература. Авторы, которые не имели возможности говорить при тоталитарном режиме, постепенно получили право публиковаться. В СССР вышла в свет повесть И. Солженицына „Один день Ивана Денисовича“, в Китае – рассказ Лу Синьхуа „Шрамы“ [Болдырева, Асафьева, 2019, с. 204]. Китайская литература «ран и шрамов» (伤痕文学) – это исповедь униженного и оскорбленного поколения, которому просто необходимо было выговориться [Ивлев]. Одной из альтернативных терминологических номинаций данной тенденции становится в китайском литературоведении понятие «литература высоких стен» (大墙文学; «высокая стена» – эфемизм для тюрьмы), в котором рассказывается о трагической жизни политических заключенных в

трудовых лагерях во время антиправых кампаний и культурной революции. Китайский литературовед Ву Сунцзюй в статье «Факт, истина, правда» [件从巨, с. 86–90], размышляя о причинах литературного успеха А. Солженицына, заявляет, что нам тоже необходим «китайский Солженицын», нужно произведение, которое фактически раскроет истинное положение вещей, как это было сделано Солженицыным в «Одном дне Ивана Денисовича». И этом «китайским Солженицыным» стал писатель Цун Вэйси, которого Ван Мэн, занимавший пост министра культуры Китая, назвал «отцом литературы о высоких стенах».

Цун Вэйси (从维熙) – китайский писатель, родился в 1933 году, во время «антиправой» кампании он был осужден как «правый» в 1957 году и провел 20 лет в лагерях лаогай («исправление посредством труда») на «трудовом перевоспитании», а после освобождения опубликовал первое в Китае произведение о лагерях лаогай – «Красная магнолия у каменной стены» (大墙下的红玉兰), по сути став основателем жанра «литературы высоких стен». Цун Вэйси написал несколько произведений, которые стали знаковыми для китайской литературы «ран и шрамов» и «литературы высоких стен»: рассказ «Снег, тихо падающий на Желтую реку» (雪落黄河静无声), роман «Беглец» (逃犯), а также мемуары Entering Chaos (走向混沌), запечатлевшие жестокую и абсурдную систему лагерей лаогай, напоминающую систему ГУЛАГ.

Семантическое пространство лагерного дискурса А. Солженицына и Цуна Вэйси

Китайский литературовед Юй Сяовэнь в статье «Призыв к возврату человечности» [于晓雯, с. 20–21] сравнивает повесть Цуна Вэйси «Красная магнолия у каменной стены» со знаменитой повестью А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», но это, к сожалению, единственная попытка сопоставления данных произведений, несмотря на то что китайские литературоведы активно проявляют интерес к творчеству Солженицына [Белопольская, Шао; 件从巨; 高国翠; 郭娟; 李小驹; 李小驹著; 武玉明; 胡学星; 姜微; 张冬冬; 张建华; 周文斑; 周振美; 施秀娟; 于晓雯].

Очевидное сходство произведений А. Солженицына и Цуна Вэйси заключается прежде всего в общности объекта повествования: один день одного заключенного в российском лагере или в китайском лагере лаогай на «трудовом перевоспитании». В центре повествования повести «Красная магнолия у каменной стены» бывший начальник отдела по «трудовому перевоспитанию», он же бывший сотрудник провинциального комитета государственной безопасности Гэ Лин, который в непрерывно меняющемся политическом континууме Китая той эпохи сам оказался на месте тех, против кого раньше так яростно сражался.

Прежде всего, произведения А. Солженицына и Цуна Вэйси сближает жесткая временная локализация: действие происходит в течение одного дня и описываются события, происходящие с одним из заключенных. Правда, де-факто в рассказе Цуна Вэйси действие разворачивается в течение двух дней: утром первого для Гэ Лин прибывает в лагерь, еще до полуночи первого дня он разговаривает с Гао Синем о том, что послезавтра праздник Цинминцзе (традиционный китайский праздник поминовения усопших) и нужно почтить память премьера Чжоу, возложив венок, а поздно вечером второго дня он взбирается по лестнице на каменную стену, чтобы сорвать белые цветки магнолии для венка, где его подстреливают как бы при попытке к бегству. Но поскольку в описании второго дня актуализируется в основном поздний вечер, создается полная иллюзия, что перед нами один день. Однако временные рамки в обоих рассказах раздвигаются: Шухов вспоминает о том, как он уходил на войну 23 июня 1941 года, как жилось ему в прежнем лагере в Усть-Ижме, как он давал показания, что сдался в плен и как его били в контрразведке, а в сознании Гэ Лина тоже возникают многочисленные картинки из разновременных участков собственной прошлой жизни: вступление в партию во время освободительной борьбы с Японией, революция, война в Корее, заведование исправительно-трудовыми лагерями, борьба с бандой отца Ма Юлиня и т. д. Один день у обоих авторов становится эквивалентом не только всей жизни героя, но и истории страны.

Однако соотношение прошлого и настоящего в рассказах принципиально различны. У каждого из героев Солженицына есть своё прошлое, о нем может рассказываться подробно или бегло упоминаться, но вся прошлая жизнь, люди и события никаким образом не влияют на жизнь насто-

ящую. В лагере формируется новый круг общения, а призраки из прошлого появляются лишь в мыслях, письмах и разговорах героев во время небольших перерывов в трудовом процессе. У Цуна Вэйси иная ситуация: при том, что прошлое безвозвратно потеряно героем, оно активно вмешивается в настоящее, обеспечивая Гэ Лину либо уважение и помощь со стороны окружающих, либо ненависть и месть: «Старый заключенный отворил калитку, и Гэ Лин словно только сейчас осознал: он – заключенный. Странная штука – жизнь. <...> Заведовал в провинциальном бюро отделом предварительного следствия и исправительно-трудовых лагерей. А теперь сам в тюрьме. Вот парадокс судьбы: он, ответственный работник, который столько раз инспектировал и проверял различные тюрьмы и лагеря, сам заключен в один из них. А командует им преступник, приговоренный когда-то к смертной казни, замененной потом пожизненным заключением, а еще позднее – длительным сроком» [Современная китайская проза, 1988, с. 19]. Староста Ма Юлинь узнает в прибывшем в тюрьму Гэ Лине организатора расправы над бандой его отца, и это воспоминание становится катализатором сюжета мести, который в финале повести обретет трагическую развязку. Тюрьма у Цуна Вэйси становится местом сведения личных счетов и давних обид. Ю Далун узнает в Гэ человека, который мучил его при расследовании: «Ю Далун был главарем „Пяти драконов“, а потом „Феникса“. Гэ помнил его хорошо, потому что сам расследовал эти дела в 60-х. Теперь у них одни носилки» [Современная китайская проза, 1988, с. 23]. Гэ не поддается на провокации, а Ю Далун издевательски агрессивно требует, чтобы на их носилки с Гэ наложили много земли, чтобы тот не выдержал и был опозорен и сломлен.

В обоих рассказах прошлое вторгается в повествование прежде всего в виде кратких или пространственных комментариев причин, по которым люди оказались в лагере. Причём у Солженицына абсолютно все герои оказываются пассивными несчастными жертвами государственной тоталитарной машины, мотивы их заключения либо смехотворно незначимы, ибо не представляют никакой реальной опасности для системы (баптисты богу молятся, кому они мешали), либо абсурдны (бригадир Тюрин был отправлен в лагерь как сын кулака), либо вообще четко не обозначены, поскольку и по сей день непонятны для героев. У Цуна Вэйси мотивы отправки на трудовое перевоспитание становятся предметом достаточ-

но пространного повествования и рефлексии. Юноша Гао Синь, метая диск, случайно убивает девочку, оказавшуюся дочерью «каппутиста», что даёт повод товарищу Циню, заместителю начальника бюро общей безопасности провинции, радостно квалифицировать это как несчастный случай и прекратить расследование, завербовав тем самым Гао Синя в союзники с политической травле каппутистов. Однако Гао Синь отдаёт матери убитой все накопленные на свадьбу деньги, инициирует расследование против самого себя, требуя себе справедливого наказания: «Для циников и равнодушных он был самым большим дураком в Китае. Для „убежденных революционеров” – открытым представителем „буржуазного гуманизма”» [Современная китайская проза, 1988, с. 25]. Герои Солженицына хаотично и бессистемно попадают в жернова смертельной политической машины смерти, герои Цуна Вэйси могут обладать такой высокой степенью совестливости и самобичевания, что требуют себе наказания сами за этические преступления.

Заклочённые в «Одном дне Ивана Денисовича» и в «Красной магнолии у каменной стены» – это «люди с номерами». В поле зрения Ивана Денисовича постоянно попадает его номер, нарисованный на шапке и телогрейке: «повыше левого колена их тоже был пришит затасканный, погрязневший лоскут, и на нем выведен черной, уже поблекшей краской номер Ш-854» [Солженицын, 1971, с. 8]. У Цуна Вэйси одинаковая серая форма заклочённых контрастирует с яркой разноцветной одеждой работающих недалеко крестьян, и Гэ Лин тоже облачается в лагерную униформу с жуткой надписью, заставляющей вспомнить бухенвальдское или освенцимское объявление «Труд освобождает»: «Скоро на нем была уже лагерная форма. На груди и спине красовались крупные иероглифы: „Исправление трудом”» [Современная китайская проза, 1988, с. 22]. Действительно, биографии сотен тысяч китайцев той эпохи включают в себя одну и ту же формулировку: «Отправлен на трудовое перевоспитание»: «Гэ знал этот проект хорошо. В 1975 году, вернувшись на прежнюю работу из „школы 7-го мая” – исправительного лагеря для кадровых работников, – он предложил посылать сюда, на берег реки, заклочённых. Заклочённые, считал он, участвуя в настоящем деле, постепенно изменят свой взгляд на мир и на общество, почувствуют вкус к труду» [Современная китайская проза, 1988, с. 22].

Мир, где обитают заклочённые у Солженицына и у Цуна Вэйси, – это замкнутое пространство, в обоих текстах постоянно актуализируется мотив границы, отделяющей мир лагеря от внешнего мира, и разного рода пространственные ограничители: «Гэ огляделся. Где-то вдали, за снежной пеленой, трепетали на ветру красные флажки. Граница для заклочённых. Кое-где виднелись солдаты охраны» [Современная китайская проза, 1988, с. 24], «Два больших прожектора били по зоне наперекрест с дальних угловых вышек. Светили фонари зоны и внутренние фонари. Так много их было натыкано, что они совсем засветляли звезды» [Солженицын, 1971, с. 8]. Однако заметим, что лагерь Солженицына – это абсолютно замкнутое пространство, лишённое реального сообщения с «большой землёй». Оттуда могут приходиться письма и посылки, но физический контакт с людьми с воли есть нечто совершенно нереальное и невозможное. У Цуна Вэйси эта непроходимая граница между миром зоны и внешним миром оказывается в достаточной мере проницаемой. Рядом, во всяком случае в пределах зрительной досягаемости, трудятся заклочённые и вольные крестьяне, невеста приезжает к Гао Синю, и ей дают свидание с любимым, а в финале рассказа начальник лагеря Лу Вэй едет на поезде в Пекин, чтобы рассказать о царящем в тюрьме произволе. Мир за пределами зоны в рассказе Солженицына есть некое мифологическое пространство, коммуникация с которым абсолютно нарушена: «Писать теперь – что в омут дремучий камешки кидать. Что упало, что кануло – тому отзыва нет» [Солженицын, 1971, с. 25]. Информация из писем жены о том, что теперь новый председатель колхоза, у жителей урезают огороды, что «с войны с самой ни одна живая душа в колхоз не добавилась: парни все и девки все, кто как ухитрится, но уходят повально или в город на завод, или на торфоразработки» [Солженицын, 1971, с. 25] ощущается Шуховым как нечто далекое, ему непонятное и его практически не касающееся. Даже информация о невиданных красиях ковров воспринимается им как некое сказочное повествование о неведомой земле, людях и обычаях, которое ему никогда не суждено увидеть: «Хоть бы глазом одним посмотреть Шухову на те ковры...» [Солженицын, 1971, с. 26]. В повести же Цуна Вэйси то, что происходило и происходит за стенами лагеря, – это живое настоящее, а не мифологическое прошлое, оно активно вторгается в повествование, определяет ход действия и поступки героев: по-

литические дебаты о борьбе с каппутистами и новыми реставраторами, обсуждение очередной брошюры, определяющей новый вектор партийной борьбы – все политические трансформации, происходящие на «большой земле» непосредственно отражаются на судьбе как заключенных, так и лагерного начальства.

В замкнутом пространстве несвободы герои А. Солженицына и Цуна Вэйси ощущают себя по-разному. Иван Денисович и его товарищи по лагерю постоянно испытывают своего рода антиклаустрофобию. Всякий выход из барака есть дискомфорт, сдавленность, скученность людей, забившихся в свои барачные норы, воспринимается ими как спасение и, напротив, выход в открытое пространство приносит опасность – быть замеченным надзирателем, который может придраться по какому-нибудь пустячному поводу и в лучшем случае назначить очередной трудовой десант в виде помывки полов в надзирательской, в худшем – отправить в карцер: «Шухов проворно спрятался от Татарина за угол барака... Стараться надо, чтоб никакой надзиратель тебя в одиночку не видел, а в толпе только» [Солженицын, 1971, с. 15]. Герои Цуна Вэйси не испытывают такого страха перед миром вне барака: Гэ Лин спокойно выходит из душного помещения подышать свежим воздухом, когда ему не спится поздним вечером, прогуливается по улице вместе с начальником тюрьмы, взбирается по приставной лестнице на каменную стену – границу тюрьмы, чтобы сорвать цветок магнолии для ритуального венка в память о знаменитом премьере Чжоу, свободно перемещается по территории тюрьмы, в отличие от героев Солженицына, которых постоянно пересчитывают до и после работы, при выходе и входе (опоздавших отправляют в карцер), утром и вечером, и которых просто невозможно представить самовольно штурмующих неприступные заборы лагерного пространства.

Явное сходство произведений проявляется в описании обоими авторами труда заключенных. Солженицын это делает подробно, фиксируя различные мелочи процесса работы, но с каким-то внутренним ощущением абсолютной бессмысленности этой деятельности, отсутствия конечной цели каторжного труда. Работа для героев Солженицына – это суть их лагерного быта и бытия, это выматывающая и убивающая человека деятельность. Она направлена не на перевоспитание очередного врага народа и не на созидание или решение каких-то производствен-

ных проблем, она в какой-то степени онтологически бессмысленна. У Цуна Вэйси все описания работы заключенных даются с пониманием важной политической роли труда в перевоспитании личности («Заключенные, участвуя в настоящем деле, постепенно изменяют свой взгляд на мир и на общество, почувствуют вкус к труду» [Современная китайская проза, 1988, с. 24]), в отличие от Солженицына, у которого ни разу нигде не звучит понятие «трудовое перевоспитание», хотя именно оно изначально подразумевается системой, отправляющей непокорных и несогласных на каторжные работы. У Цуна Вэйси заключенные выполняют вполне конкретную работу (ирригационные работы по превращению солончakov в рисовые поля), у нее есть цели и результаты. У Солженицына модус работы заключенных весьма неопределенный: Иван Денисович размышляет, «там же ли работать, где вчера, на другое ли место переходить» [Солженицын, 1971, с. 26], а Соцгородок является неким мифическим безликим местом, и не местом созидания, а каким-то местом заброшенности и разрухи: недостроенная и поздней осенью оставленная ТЭЦ, начатая каменная кладка, брошенная у фундамента, рукоять экскаватора, железный хлам, разрытые везде канавы и траншеи. 38 бригада льёт какие-то абстрактные бетонные плиты, непонятно для чего предназначенные: «Стояла ТЭЦ два месяца, как скелет серый, в снегу, покинутая» [Солженицын, 1971, с. 33].

Процесс работы описывается у Солженицына как каждодневный изматывающий процесс, где каждым движет инстинкт самосохранения не сорваться, не сломаться, выдержать и прожить ещё один день. Работе заключенных на строительстве ТЭЦ уделено значительное пространство повести, работа описывается в множестве мельчайших подробностей: кто будет колоть лед, как класть шлакоблоки, что делать, чтобы раствор не мерз в ящиках, как выровнять стену, как тяжело сбивать задубевший на морозе раствор тесачком молотка. И порой эта тяжелая работа, представленная в длительных фрагментах с несобственно-прямой речью Ивана Денисовича начинает восприниматься уже не как страшное наказание, а как привычный рабочий процесс, доставляющий герою, умело справляющемуся с трудностями, некое подобие удовольствия: «Эх, глаз – ватерпас! Ровно! Еще рука не старится» [Солженицын, 1971, с. 55]. У Цуна Вэйси при том, что перевоспитание трудом является ключевой установкой лагерей лаогай, собственно рабочий про-

цесс описывается один раз, в самом начале повести. Строительная площадка становится ареной для испытаний героя, рингом для идеологической борьбы, когда Ю Далун, решив поиздеваться над Гэ Лином, намеренно смещает тяжесть груза на носилках на его сторону, чтобы насладиться позором старинного заклятого врага: «Они не дошли еще до половины пути, а основную часть груза уже нес Гэ. Он скрипел зубами, нога, причинявшая невыносимую боль, судорожно дрожала. Но он молчал. Это был не просто спор. Для Гэ это была борьба идей» [Современная китайская проза, 1988, с. 24]. Гэ Лин теряет шапку и ботинки, невыносимо страдает от дикой боли в ране, не обращает внимания на заливающий лицо пот, чувствуя, как ломается спина и плечи. И он выигрывает этот первый раунд, пройдя своего рода обряд инициации и вызвав невольное уважение и восхищение зрителей, превращающихся по мере его восхождения на Голгофу из жаждущих хлеба и зрелищ зрителей в сочувствующих и сопереживающих товарищей. Примерно так же носят раствор на носилках кавторанг Буйновский с Фетюковым, который халтурит, пытаясь сбросить часть раствора или переложить раствор на сторону носилок напарника, вызывая тем самым взрыв гнева кавторанга, требующего поставить его с «нормальным человеком». Этим поединком-испытанием в «Красной магнолии» исчерпывается описание трудовых подвигов заключенных, складывается впечатление, что в течение второго дня, описанного в повести, они не работали, а прятали от комиссара Чжана крамольные фотографии с площади Тяньаньмэнь, плели из ивовых прутьев основу для венка в честь памяти премьера Чжоу, а Гэ Лин, изнемогая от вынужденного бездействия и невозможности достать цветы для венка, лежал на нарах («Вернулись заключенные с работы и отправились на ужин. Люди входили и выходили, а Гэ лежал и все сильнее злился на вынужденное бездействие» [Современная китайская проза, 1988, с. 45]).

Еще одно сходство произведений А. Солженицына и Цуна Вэйси – описание суровых погодных условий, от которых страдают заключенные. У Солженицына эта метеорологическая парадигма очень сильно акцентирована: он подробно описывает, какой на улице мороз, как безжалостно проникает он в тело несчастных доходяг, какая температура на улице, какими способами можно хотя бы немного спастись от пронизывающего ветра и холода, какая наледь на

окне, на колодезном срубе и какая белая паутина инея на стенах и потолке барака: «Шухов с надеждой покосился на его молочно-белую трубочку: если б он показал сорок один, не должны бы выгонять на работу. Только никак сегодня не натягивало на сорок» [Солженицын, 1971, с. 8]. У Цуна Вэйси мы встречаем всего лишь несколько упоминаний о дискомфорте, заключенных из-за климатических условий, воссоздающих те же, что и у Солженицына мотивы холода, снега, мороза, промерзлой земли: «Весна 1976 года была на редкость холодной. Даже земля по низким берегам излучины Хуанхэ – сплошные солончаки – промерзла» [Современная китайская проза, 1988, с. 22]. И у Солженицына, и у Цуна Вэйси герои страдают от боли, телесного недомогания и суровых природных испытаний. Слабость и надвигающаяся болезнь чувствует Иван Денисович, от 30 градусного мороза и пронизывающего ветра мучаются заключенные, Гэ Лин мучается от нестерпимой боли в старой ране, которую трут задубевшие штаны, превращая каждый шаг в пытку.

Еще один общий мотив «Одного дня Ивана Денисовича» и «Красной магнолии у каменной стены» – это мотив превратности судьбы, низвергающей человека с высоты былого величия в лагерный ад. У А. Солженицына он появляется в связи с кавторангом Буйновским, который никак не может привыкнуть к местным бесчеловечным законам, «залуцается», как говорит глухой Сенька Клевшин, протестуя против нарушения прав заключенных, и постоянно становится «пациентом» карцера. У Цуна Вэйси этот мотив рефреном проходит через все повествование, когда староста Ма Юлинь чувствует возбужденное опьянение при мысли, что бывший хэбэйский командир отряда по земельной реформе, герой, оказался здесь в тюрьме, да еще у старика под началом. С мотивом произвола судьбы тесно сопряжен мотив произвола, бездушия и абсурдного автоматизма закона. У Солженицына рассказывается, как машина так называемого правосудия работала в одинаковом режиме для всех, чередуя лишь фазы относительного милосердия, когда все давали по 10 лет и периоды абсурдно безразмерных сроков, когда цифра десять как-то внезапно и немотивированно превратилась в 25: «Причины, по которым сажали, смехотворны: одного эстонца родители ребенком увезли в Швецию, а он решил поступать в университет и вернулся, «тут его и загребли», Сенька Клевшин пережил Бухенвальд и потому оказался в лагере,

Гопчика посадили «за то, что бендеровцам в лес молоко носил. Срок дали как взрослому» [Солженицын, 1971, с. 36]. У Цуна Вэйси также подчеркивается этот мотив абсолютного произвола закона. «Товарищ Цинь был так возмущен поступком Гао, что в корне изменил свое решение и подвел дело к пожизненному заключению. Тем более что это было нетрудно: в те времена закон подчинялся росчерку пера» [Современная китайская проза, 1988, с. 25], не случайно Гэ Лин с горечью замечает: «Сейчас закон – игрушка в руках определенных людей. Они делают все, что им только захочется. Я, например, был арестован вообще без единой процедуры» [Современная китайская проза, 1988, с. 39].

Однако при сходстве в воспроизведении обоими писателями основных констант лагерного дискурса, все же наиболее очевидными оказываются именно различия. Прежде всего, принципиально различаются отношения между заключенными, которые выстраиваются у Солженицына и Цуна Вэйси по разным законам. У Солженицына это законы национального, духовного и культурного родства. Так чувствуют друг друга москвичи Цезарь Маркович и очкастый интеллигент в очереди, жадно склоняющиеся над свежей «Вечеркой» из посылки, держатся вместе, как сиамские близнецы, эстонцы («Два эстонца, как два брата родных, сидели на низкой бетонной плите и вместе, по очереди, курили половинку сигареты из одного мундштука» [Солженицын, 1971, с. 28]), держатся вместе и баптисты, упорно молящиеся своему богу. У Цуна Вэйси перестают действовать законы географического родства: «Гэ Лин положил зеленое армейское одеяло на нары. Он не понимал этого человека. Вначале, услышав родной хэбэйский выговор, хотел было с ним заговорить, но взгляд старика остановил его, и он, вздохнув, принялся укладывать вещи» [Современная китайская проза, 1988, с. 18]. Заключенные в лагерном мире Солженицына не испытывают злобной ненависти и агрессии друг к другу. Максимальная степень негативной эмоции – это брезгливость и осуждающее пренебрежение к шакалящему Фетюкову, собирающему чужие окурки и выпрашивающему разрешения докурить. У Солженицына, если и возникают конфликты между заключенными, то они локальны и гасятся, едва успев возникнуть: «Фетюков по первым дням на кавторанга даже хвост поднял, покрикивал. Но кавторанг ему двинул в зубы раз, на том и поладили» [Солженицын, 1971, с. 36]. В «Красной магнолии у каменной

стены» староста, благословленный лагерным начальством на карательные санкции по отношению к «реставратору и каппутисту», сознательно, с садистским удовольствием бьет тяжелым лагерным ботинком по кровоточащей ране спящего Гэ Лина.

Вследствие этого различаются и отношения между заключенными и местной властью разного масштаба (охранниками, надзирателями, бригадирами). Они явно гармоничнее складываются у Цуна Вэйси. Не случайно он в своём интервью «Я не Солженицын» говорил о добром отношении с охранниками и надзирателями [Modern Chinese Writers, 1992, с. 20]. Сопровождающий Гэ Лина в лагерь охранник демонстрирует сочувствие и уважение к конвоируемому заключенному, помогает ему нести вещи, дает чистый носовой платок. Взаимоотношения с начальниками у писателей выстраиваются по разным моделям. У Солженицына это непроходимая граница, при которой невозможны теплота и дружеское участие, максимальная степень «доброжелательности» – это замена карцера мытьем полов в коммандантской. («Дверь-то притягивай, ты, падло! Дует!» [Солженицын, 1971, с. 9]), а некоторые надзиратели предстают почти что в садистской ипостаси: «Волкового не то что зэки и не то что надзиратели – сам начальник лагеря, говорят, боится. Вот Бог шельму метит, фамилицу дал! – иначе, как волк, Поперву он еще плетку таскал, как рука до локтя, кожаную, крученую. В БУРе ею сек, говорят. Или на проверке вечерней столпятся зэки у барака, а он подкрадется сзади да хлесь плетью по шее» [Солженицын, 1971, с. 21]. У Цуна Вэйси граница между местной властью и заключенными носит формально условный характер, они могут оказаться друзьями и соратниками в прошлом, и сейчас, оказавшись в разных мирах, не малодушно отрекаются от своих друзей, оказавшихся в опале у власти, а, поражаясь абсурдности системы, пытаются им помочь. Начальник лагеря Лу Вэй вспоминает, как 20 лет назад они служили в Корее добровольцами с Гэ Лином, и не может поверить своим глазам, увидев друга в списке заключенных своего лагеря, в горестном оцепенении сидит на его нарах на зеленом арестантском одеяле: вспоминая другое такое же зеленое одеяло, простреленное автоматной очередью, которым Гэ спас ему жизнь, подняв на штыке из укрытия. Лу, рискуя своим положением, вступает за Гэ, называет его «дружище», хочет отдать ему свои ботинки взамен утопленных, но Гэ не хочет, чтобы бывший

соратник подвергал своё положение опасности, замечая, что если он сейчас наденет ботинки Лу Вэя, то уже завтра тот займет место рядом с ним на тюремных нарах.

Очевидна и значительная разница в правах заключенных в «Одном дне Ивана Денисовича» и «Красной магнолии у каменной стены». В лагерном мире герои Солженицына лишены возможности и права на свободный выбор. «Откосить от работы» можно было только законным, но практически нереальным путём: через местный лазарет с разрядкой на освобождение два человека в день. Поэтому чувствующий недомогание и противную слабость Иван Денисович после робкой неудачной попытки получить разрешение отлежаться, покорно идёт на работу, даже и не пытаясь воспользоваться предложением остаться в лазарете на свой страх и риск. На этом фоне поведение Гэ Лина, который смертельно устал после дороги в тюрьму и, не обращая внимание на злобные оклики старосты, заснул мертвым сном, кажется запредельным и нереальным в мире солженицынской зоны. Юноше Гао Синю, прибывшему в тюрьму, выдают тёплую войлочную одежду для пребывания в холодном помещении, а новичкам обычно – немыслимая ситуация для Солженицына – разрешают отдохнуть три дня, прежде чем приступить к работам.

В отличие от политической индифферентности «Одного дня Ивана Денисовича», тюремный дискурс Цуна Вэйси ярко отличает мощнейшая идеологическая составляющая. Заместитель по политической части Чжан Лунси устраивает старосте Ма Юлиню перед ответственным заданием идеологическую проверку на знание генеральной линии партии «Вы, преступники, должны внимательно изучать политические вопросы. А ну-ка, скажи мне, какая сейчас самая главная политическая линия?» [Современная китайская проза, 1988, с. 20]. Заключённые и охранники спешат выразить благодарность правительству, изучают по вечерам политические газеты со статьями типа «Борьба с кликой, идущей по капиталистическому пути», и эти политические многочасовые занятия становятся значительно более важным делом, чем работа и трудовое перевоспитание. Если у Солженицына внешнего мира с его политической казуистикой как бы не существует, заключённые по политическим причинам оказываются в лагере вне политики, лагерь – это политически стерильная зона, то у Цуна Вэйси лагерь становится микромоделью внешней политической системы, поскольку здесь происходят те же

идеологические процессы по «смене вех». Лагерную власть интересует не выполнение рабочих нормативов, не безукоснительное подчинение режиму дня, не беспрекословное подчинение и бессловесное выполнение приказов, а политический и идеологический статус заключённых. Комиссар и начальник лагеря могут до пены у рта спорить, кто из двоих Гэ или Ма является настоящим реставратором, обсуждать разницу между дореволюционными реставраторами и реставраторами 70-х годов или выяснять, причастен ли Гэ Лин к «правому поветрию».

У Солженицына мы не встретим подобных конфликтов между различными представителями местной лагерной власти – у Цуна Вэйси начальник тюрьмы и заведующий политической частью ведут бесконечный словесный, и не только словесный поединок, выясняя, кто из заключённых имеет правильную политическую ориентацию, и отстаивая друг перед другом правильность своей политической линии: «Я не оратор. Но у меня есть пара вот этих рабочих рук и сердце коммуниста. И, можешь поверить, я всегда буду бороться против несправедливости...» [Современная китайская проза, 1988, с. 36]. Герои Цуна Вэйси говорят, как ораторы с трибуны, словно выступают с речью на очередном партийном собрании, их речь изобилует идеологическими штампами той эпохи («сердце коммуниста», «партийная линия», «новый период социализма»), в то время как герои Солженицына разговаривают, как будто мужики, собравшиеся на завалинке родного села и неспешно вспоминающие «минувшие дни» и рассказывающие нехитрые байки из своей биографии, рассказывают «без жалости, как не об себе» [Солженицын, 1971, с. 45], о том, как они «загоняли барахольце», давились за кипятком на железнодорожных станциях или о том, как их укрывали в купе от кондукторов и «гепеушников» ленинградские студентки.

Однако бесконечные политические дебаты, которые ведут герои «Красной магнолии у каменной стены» далеко не всегда оказываются бездумным воспроизведением идеологических штампов эпохи. Герои Цуна Вэйси искренне и мучительно пытаются разобраться в том, что происходит в стране. Героев Солженицына это как бы вообще не интересует, сам пласт интеллектуальной рефлексии практически исключен у Солженицына. Его герои думают о быте, мелких деталях и отнюдь не терзаются экзистенциальными вопросами смысла бытия, правды и лжи,

честности и предательства: «В колонне, когда потеплей, все разговаривают – кричи не кричи на них. А сегодня пригнулись все, каждый за спину переднего хоронится, и ушли в свои думки. Дума арестантская – и та несвободная, все к тому ж возвращается, все снова ворошит: не нащупают ли пайку в матрасе? в санчасти освободят ли вечером? посадят капитана или не посадят? и как Цезарь на руки раздобыл свое белье теплое?» [Солженицын, 1971, с. 26]. У Цуна Вэйси разрывающая сознание и душу рефлексия и бессильная ярость из-за несправедливости системы свойственна не только заключенным, но и начальникам. Все понимают, что в любой момент они могут внезапно поменяться местами. Если у надзирателей Солженицына даже не возникает ни тени сомнения в собственной правоте, то некоторые представители лагерной власти у Цуна Вэйси сами себя подвергают беспощадному суду и требуют себе наказания: «В парткоме Лу коротко рассказал обо всем, признался, что ударил двух заключенных, и попросил разбора всего дела» [Современная китайская проза, 1988, с. 36].

Поэтому при всей абсурдности причин арестов и заключений героев Цуна Вэйси и Солженицына принципиально различается осмысление самими заключенными этих причин и мотивов. У Цуна Вэйси Гэ Лин мучительно пытается разобраться в собственном пути, переживая раз за разом в собственном сознании причины и последствия собственных убеждений и заблуждений, в отличие от Ивана Денисовича, подписавшего признание в собственном шпионаже даже без понимания того, в чем оно заключается: «Какое ж задание – ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь. Так и оставили просто – задание» [Солженицын, 1971, с. 40]. Бунт и протест просто исключены в художественном мире Солженицына, нужно «отбывать срок тихо» («Будешь залупаться, говорит, пропадешь. Это верно, кряхти да гнишь. А упрешься – переломишься» [Солженицын, 1971, с. 31], в противном случае героям грозит карцер, как это и произошло с непокорным пока еще кавторангом. У Цуна Вэйси Гэ Лин вспоминает, как он не хотел склоняться к портрету Мао, и вместо признания своих ошибок говорит о «Коммунистическом манифесте». При описании состояния Гэ во время его травли часто используются слова «ярость» и «бессилие» (в отличие от покорности, терпения, смирения Ивана Денисовича). Не случайно в типологически сходных ситуациях, когда героев заставляют

покаяться и подписать признание, Иван Денисович покорно соглашается с тем, что он шпион и выполнял некое задание, чтобы избежать «деревянного бушлата», а Гэ Лин, напротив, в гневе отказывается подписать бумагу с раскаянием, протянутую ему заместителем начальника провинциального бюро товарищем Цинем, с треском ломает ручку своей тяжелой огрубевшей рукой: «ярость и бессилие душили его» [Современная китайская проза, 1988, с. 30].

Еще одна ощутимая разница между описанием лагерной жизни в произведениях русского и китайского писателей – это предметная детализация. У Солженицына она порой кажется избыточной, он максимально подробно описывает одежду, трудовые процессы, еду, отдаваясь эстетическому переживанию мелочей, обретающих в пространстве лагеря абсолютную ценность. Особенно подробно запечатлевается процесс еды, чуть ли не по странице занимают описания того, как Шухов трепетно вкушает лагерную, как он медленно, смакуя каждую ложку, ест горячую баланду, мнет зубами и высасывает сок из хрупких сеток рыбьих скелетов, как он ест 200 граммов хлеба. У Цуна Вэйси при том, что в ценностной системе китайцев культ еды укоренен прочно и с древнейших времен, описаний еды нет вообще. А все упоминаемые им конкретные реалии пейзажей и интерьеров вроде каменной стены, магнолии, тяньаньмэньских фотографий постоянно перерастают в символы, лишённые той зримой витальной конкретики, которая воспринимается обостренным вниманием ээка. Шухов в мельчайших подробностях эмоционально переживает, какую обувь ему оставить на зиму: новехонькие ботиночки, которые он берег и умягчал солидолом и которые при весенней раздаче к нему уже не вернутся, или более подходящие для зимних морозов валенки. Размокшие ботинки Гэ Лина, выброшенные в траншею Ю Далуном, абсолютно не заботят героя, они приобретают символический статус: начальник тюрьмы предлагает герою свои ботинки взамен промокших и вспоминает историю, связанную с этими подаренными ему ботинками во время совместной работы героев в Корее, а в речи Гэ Лина ботинки становятся знаком превратности и изменчивости судьбы: «Если я надену их сегодня, завтра ты будешь спать рядом со мной на нарах» [Современная китайская проза, 1988, с. 27].

Идеологические и политические приоритеты в повести Цуна Вэйси приводят к не только к

редукции предметного мира, но и к определенной плакатности его персониферы. На страницах повести Солженицына с разной степенью подробности описания возникает множество героев, демонстрирующих «пестроту русской души» в лагерной жизни и различные варианты существования человека в условиях несвободы: Шухов с его крестьянской запасливостью и смекалкой, непокорный кавторанг Буйновский, шакалящий Фетюков, молчаливые неразлучные «братья»-эстонцы, Алешка-баптист, всецело поглощенный размышлениями о боге, ловкий плут Гопчик, столичный интеллигент Цезарь, имеющий на зоне привилегированное положение, надзиратели с различной «степенью опасности» для заключенных. Что качается Цуна Вэйси, то в его повести, по сути, воссоздаются не столько конкретные характеры и люди, сколько определенные модели, архетипические фигуры лагерей лаогай и социально-политического континуума современного писателю Китая. Как по линейке расчерчивая композицию персонажей, Цун Вэйси четко соблюдает пропорцию «пятьдесят на пятьдесят» в этической оценке героев. Четверо различных представителей власти, двое «хороших» и двое «плохих»: с одной стороны, товарищ Цинь как символ высшей несправедливой власти, находящейся за пределами тюрьмы, и заместитель по политической части Чжан, иллюстрирующий коварство и беспредел местного начальства, с другой – честный коммунист, начальник тюрьмы Лу Вэй, противостоящий любой несправедливости, и такой же честный охранник, не желающий стрелять в Гэ Лина по приказу Чжана. Такая же ситуация и с заключенными: с одной стороны, сам Гэ Лин, бывший начальник таких же лагерей, ныне оказавшийся их узником, как символ превратности политической фортуны и юноша Гао Синь, демонстрирующий доходящую до абсурдного абсолюта честность и бескомпромиссность по отношению к себе, не желающий прощать самому себе невольное преступление и спасать свою жизнь ценой политического предательства, с другой – староста Ма Юлинь, доносчик и провокатор, одержимый мстостью Гэ Лину, готовый на любые подлости ради сокращения срока, и его марионетка Ю Далун, издавающийся над главным героем и впоследствии занявший место отпущенного на свободу старосты.

Наконец, еще один комплекс мотивов, устойчивых для лагерной прозы, – это мотивы предательства, провокации, доноса. В обязательный набор персонажей лагерного дискурса всегда

включён такой тип, как «стукач», завербованный местным начальством осведомитель и доносчик. Заметим, что подобного рода персонаж появляется на страницах «Одного дня Ивана Денисовича», но он не актуализирован, это просто беглое упоминание о том, что кто-то в лагере лижет миски, кто-то надеется на санчасть, а кто-то «к куму ходит стучать» (имеется в виду оперуполномоченный), или о том, что «сука Пантелеев» будет стучать оперу. В тюремном контексте Цуна Вэйси мотив вербовки и доносительства обнажён в своей идеологической составляющей, когда старосте Ма Юлиню дают партийное задание контролировать вновь прибывшего заключённого, а впоследствии Ма Юлинь доносит Чжану, что Гэ Лин и Гао Синь хранят крамольные фотографии, запечатлевшие события на площади Тяньаньмэнь, и даже проявляет «творческую инициативу», предлагая коварный план, как заманить Гэ Лина в ловушку, спровоцировать на запретные действия и пристрелить его практически на законных основаниях. Узнав, что Гэ Лин и Гао Синь хотят почтить память премьера Чжоу и сделать венки в Праздник весны, Чжан распоряжается намеренно оставить приставную лестницу у высокой тюремной стены, за которой растёт магнолия. Он рассчитал, что непокорные, у которых уже отобрана вся бумага для изготовления цветов, решат использовать для венка белоснежные, недавно распутившиеся цветы магнолии. Молодой охранник Сяо Ян разрешает Гэ Лину достать магнолию для венка и приходит в ужас, увидев, что Гэ взобрался по лестнице, и голова его оказалась немного выше каменной стены, что является нарушением лагерных правил. Комиссар Чжан со злобным шипением приказывает стрелять в Гэ, у Сяо Яна дрожат руки и он намеревается выстрелить вверх и предупредить Гэ Лина об опасности, тогда Чжан вырывает карабин из его рук и стреляет сам: «Гэ вздрогнул, покачнулся и упал, прижимая к себе охапку белых цветов. Гао поднял руки, чтобы подхватить его, оба они упали на землю. Глаза Гэ были закрыты, кровь лилась из раны, окрашивая хлопчатобумажную куртку и крепко прижатые к груди белоснежные цветы» [Современная китайская проза, 1988, с. 46]. Белоснежные цветы магнолии, призванные украсить памятный венок национальному герою премьеру Чжоу Эньлаю накануне великого праздника Цинминцзе, праздника поминовения усопших, в буквальном переводе «праздника чистого света», окрашиваются в красный цвет крови убитого Гэ Лина, становясь

похоронным венком не только для него, но и для всех честных коммунистов, павших в неравной борьбе с режимом за «чистый свет» свободного Китая.

Заключение

Таким образом, при общности воспроизведения двумя знаковыми текстами русской лагерной прозы и китайской литературы «великих стен» основных констант лагерного дискурса, принципы художественного моделирования тюремного универсума А. Солженицына и Цуна Вэйси принципиально различаются. Лагерный мир Солженицына – это практически бессобытийное бытие, Иван Денисович страшится любых событий, нарушающих мерно текущую жизнь, и радуется, что не заболел, не попался на шмоне, не посадили в карцер, его время течет медленно и ровно, и в этом заключается его спасительная сила. Гэ Лин, с его напряженно-эмоциональным переживанием времени, тяготится подобной бессобытийной повседневностью и невыносимо страдает от бездействия, предпочитая сам организовывать для себя эти события, не задумываясь о возможных катастрофических последствиях. Герои Солженицына стремятся жить и выжить, герои Цуна Вэйси совершенно не стремятся просто выжить – они хотят найти истину, обрести и отстоять свою политическую и нравственную правду. Герои Солженицына страшатся голода, холода, карцера, шмона – исключительно бытовых проблем, играющих в замкнутом мире зоны судьбоносную роль. Героев Цуна Вэйси не волнует теплая одежда, еда или тяжелая работа, они прежде всего боятся «потерять лицо», утратить свои идеологические координаты, не сохранить в своей душе свет коммунистических нравственных идеалов.

Один день – это одно из бесчисленных звеньев в стайерском марафоне Ивана Денисовича, цель героя Солженицына – пережить, перетерпеть, поэтому у него есть все шансы дойти до финиша этой дистанции. Один день в спринтерском забеге Гэ Лина – это разовая акция, осуществленная с максимальной эмоциональной интенсивностью, его цель – пробежать эту дистанцию на пределе духовных и физических возможностей и, финишировав, пасть смертью храбрых в неравной борьбе с системой, сознательно принеся себя в жертву высоким духовным и политическим идеалам. Один день Ивана Денисовича разомкнут в бесконечность трех тысяч шестисот пятидесяти трех дней его срока, и, несмотря на горький при-

вкус упоминания о трех лишних днях, добавляемых к сроку из-за високосных лет, все же сохраняется общее ощущение робкой надежды на благополучный исход («Переживем все, даст Бог кончится!» [Солженицын, 1971, с. 85]). Один день Гэ Лина трагически замкнут в безнадежное кольцо каменной стены, она втягивает героя в свой смертельный круг в начале повести, и к ее подножию он падает в финале, прижимая к груди кровавые цветы магнолии. «Говорят, солнечное затмение наступает в те времена, когда небесный пес пытается проглотить солнце. Тогда хаос царит на земле: невозможно отличить людей от призраков и всякая нечисть, ничего не боясь, обделывает свои дела... В те годы, когда над Китаем затмилось солнце, за высокой каменной стеной произошла эта история...» [Современная китайская проза, 1988, с. 21]. Высокая каменная стена – это символ и великой китайской стены, и непроходимых тюремных стен, и априорной обреченности попыток борьбы с абсурдностью и несправедливостью в непрерывно изменяющейся жестокой политической реальности.

Библиографический список

1. Белопольская Е. В., Шао Т. А. И. Солженицын в зеркале современной китайской критики // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. № 4. С. 8–15.
2. Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. Литература «ран и шрамов»: Чжан Сяньлян – «китайский Шаламов» // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1 (16), С. 204–211.
3. Ивлев Л. А. Десять абзацев о «литературе шрамов». URL: <https://sanwen.ru/2012/01/04/desyat-abzacev-o-literature-shramov/> (дата обращения: 06.08.2021)
4. Сапрыка Д. От переводчика. URL: <https://knigogid.ru/books/814551-zhenschina-polovinkamuzhchiny/toread> (дата обращения: 06.08.2021)
5. Современная китайская проза / сост. и предисл. Н. Федоренко. Москва : Радуга, 1988. 405 с.
6. Солженицын А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Один день Ивана Денисовича. Рассказы. Москва : Посев, 1971. 307 с.
7. Modern Chinese Writers: Self-portrayals / Edited by Helmut Martin Jeffrey C. Kinkley. New York, London M. E. Sharpe. 1992. 168 pp.
8. 作从巨·真话·真相·真理——索尔仁尼琴与《伊凡·杰尼索维奇的一天》[J]. 名作欣赏, 2009 (09): 86-90.
9. 高国翠. "忏悔"的亚历山大·伊萨耶维奇·索尔仁尼琴[J].

辽宁大学学报：哲学社会科学版，2006，34（6）：54-57.

10. 郭娟. 反抗与救赎——
《癌症楼》中科斯托格洛托夫的生存困境[J].

四川民族学院学报，2011，000(005)：75-78.

11. 李小驹. 让文学为历史存照——

索尔仁尼琴对中国当代文学的意义[J]. 理论导刊，
2006(07)：85-88.

12. 李小驹著. 文学的殉道者：索尔仁尼琴[M]. 北京：
外语教学与研究出版社. 2006.

13. 武玉明. 略论索尔仁尼琴的民族性格观——

以《伊凡·杰尼索维奇的一天》为个案[J].

潍坊学院学报，2009(05)：91-94.

14. 胡学星. 现场解说作为一种叙事模式——

《伊凡·杰尼索维奇的一天》中作者与主人公的关系
[J]. 名作欣赏，2009(09)：91-95.

15. 姜微.

浅析索尔仁尼琴“集中营文学”主人公的软弱情怀[J].
北方文学(下半月)，2012.

16. 张冬冬. 《伊凡·杰尼索维奇的一天》里的时间[J].
东南大学学报(哲学社会科学版)，2008，10(S2)：249-
250.

17. 张建华. 索尔仁尼琴：俄罗斯作家的历史际遇与知
识分子式的历史思考[J]. 杭州师范大学学报(社会科学
版)，2010,32(06)：52-58.

18. 周文斑. 是政治状子还是呼唤人性的文本——

兼论《伊凡·杰尼索维奇的一天》[J].

华南师范大学学报(社会科学版)，2004(01)：84-89.

19. 周振美. 生存的尊严——

评索尔仁尼琴的《伊凡·杰尼索维奇的一天》[J].

山东大学学报(哲学社会科学版)，2005(02)：74-77.

20. 施秀娟.

融古典与现代于一炉——试析索尔仁尼琴创作中的继
承与创新 [J]. 河池师专学报：社会科学版，1995(01)：16-
22.

21. 于晓雯. 呼唤人性的复归——

《伊凡·杰尼索维奇的一天》与《大墙下的红玉兰》[J].
语文学刊(外语教育与教学)，2010(12)：20-21.

Reference list

1. Belopol'skaja E. V., Shao T. A. I. Solzhenicyn v zerkale sovremennoj kitajskoj kritiki = A. Solzhenitsyn in the mirror of modern Chinese criticism // Izvestija Ju-

zhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2013. № 4. S. 8–15.

2. Boldyreva E. M., Asaf'eva E. V. Literatura «ran i shramov»: Chzhan Sjan'ljan – «kitajskij Shalamov» = 'Wounds and scars' literature: Zhang Xianliang – 'Chinese Shalamov' // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. 2019. № 1 (16), S. 204–211.

3. Ivlev L. A. Desjat' abzacev o «literature shramov» = Ten paragraphs on «the literature of scars». URL: <https://sanwen.ru/2012/01/04/desyat-abzacev-o-literature-shramov/> (data obrashhenija: 06.08.2021)

4. Sapryka D. Ot perevodchika = From the translator. URL: <https://knigogid.ru/books/814551-zhenschina-polovinkamuzhchiny/toread> (data obrashhenija: 06.08.2021)

5. Sovremennaja kitajskaja proza = Modern Chinese prose / sost. i predisl. N. Fedorenko. Moskva : Raduga, 1988. 405 s.

6. Solzhenicyn A. I. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 1: Odin den' Ivana Denisovicha. Rasskazy = Collected Works: in 6 vols. V. 1: One Day in the Life of Ivan Denisovich. Stories. Moskva : Posev, 1971. 307 s.

7. Modern Chinese Writers: Self-portrayals / Edited by Helmut Martin Jeffrey C. Kinkley. New York, London M. E. Sharpe. 1992. 168 rr.

8. 仵从巨. 真话·真相·真理——

索尔仁尼琴与《伊凡·杰尼索维奇的一天》[J]. 名作欣
赏，2009(09)：86-90.

9. 高国翠.

“忏悔”的亚历山大·伊萨耶维奇·索尔仁尼琴[J].

辽宁大学学报：哲学社会科学版，2006，34（6）：54-57.

10. 郭娟.

反抗与救赎——

《癌症楼》中科斯托格洛托夫的生存困境[J].

四川民族学院学报，2011，000(005)：75-78.

11. 李小驹. 让文学为历史存照——

索尔仁尼琴对中国当代文学的意义[J]. 理论导刊，
2006(07)：85-88.

12. 李小驹著. 文学的殉道者：索尔仁尼琴[M]. 北京：
外语教学与研究出版社. 2006.

13. 武玉明. 略论索尔仁尼琴的民族性格观——
以《伊凡·杰尼索维奇的一天》为个案[J].

潍坊学院学报，2009(05)：91-94.

14. 胡学星. 现场解说作为一种叙事模式——

《伊凡·杰尼索维奇的一天》中作者与主人公的关系
[J]. 名作欣赏，2009(09)：91-95.

15. 姜微.

浅析索尔仁尼琴“集中营文学”主人公的软弱情怀[J].
北方文学(下半月)，2012.

16. 张冬冬.《伊凡·杰尼索维奇的一天》里的时间[J].东南大学学报(哲学社会科学版), 2008, 10(S2): 249-250.
17. 张建华.索尔仁尼琴:俄罗斯作家的历史际遇与知识分子式的历史思考[J].杭州师范大学学报(社会科学版), 2010,32(06): 52-58.
18. 周文斑.是政治状子还是呼唤人性的文本——兼论《伊万·杰尼索维奇的一天》[J].华南师范大学学报(社会科学版), 2004(01): 84-89.
19. 周振美.生存的尊严——评索尔仁尼琴的《伊万·杰尼索维奇的一天》[J].山东大学学报(哲学社会科学版), 2005(02):74-77.
20. 施秀娟.融古典与现代于一炉——试析索尔仁尼琴创作中的继承与创新 [J].河池师专学报:社会科学版, 1995(01): 16-22.
21. 于晓雯.呼唤人性的复归——《伊凡·杰尼索维奇的一天》与《大墙下的红玉兰》[J].语文学刊(外语教育与教学), 2010 (12): 20-21.